

источником, на основании которого Симеоновская и Воскресенская летописи (независимо друг от друга) были дополнены; основным же источником всех этих летописей была, по его мнению, какая-то неофициальная летопись (хронограф, митрополичий или ростовский владычный свод).¹

Решающее значение для определения характера и тенденций интересующего нас летописного рассказа после 1479 года имеет найденный М. Н. Тихомировым Московский свод конца XV века (Уваровский список). Рассматривая известия Московского свода за 1479—1492 годы (на этом годе обрывается текст свода), мы обнаруживаем, что перед нами — текст, совпадающий с Софийской I по списку Царского и сходными летописями. Особенно близкими к тексту Московского свода оказываются летописи, текст которых также обрывается на 90-х годах XV века — уже известная нам летопись Погод. 1409, а также неизданная летопись Беляевского собрания Всесоюзной Библиотеки им. В. И. Ленина.² Почти дословное совпадение известий Московского свода за 1479—1492 годы с соответствующими известиями других летописей, так же как пространственный характер этих известий, — все это, на наш взгляд, не позволяет рассматривать известия 1479—1492 годов как случайные приписки к своду 1479 года, а Московский свод, изданный в т. XXV „Полного собрания русских летописей“, — как простую копию свода 1479 года.³ Случайные приписки к своду 1479 года не могли бы иметь такого характера и не получили бы такого распространения, как интересующий нас текст 1479—1492 годов. Но то обстоятельство, что разбираемый текст 1479—1494 годов следует именно за великокняжеским сводом 1479 года, представляется нам весьма многозначительным. Уже в Симеоновской летописи текст после 1479 года (в несколько дополненном виде) непосредственно следует за большим куском текста свода 1479 года (с 1410 по 1479 г.); Шахматов считал, однако, что текст 1410—1479 и 1479—1494 годов попал в эту летопись из разных источников, и соединение их здесь случайно.⁴ В Московском же своде конца XV века мы с самого начала по 1479 год читаем один сплошной текст великокняжеского свода 1479 года; естественно предположить поэтому, что и вся летопись в целом отражает новую, более позднюю редакцию великокняжеского Московского свода 1479 года.⁵

¹ А. А. Шахматов: 1) Симеоновская летопись... стр. 501, 505, 512; 2) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 171; 3) Ермолинская летопись... стр. 12—13 и 78—79. Ср. статьи А. А. Шахматова о хронографе.

² БИЛ, Муз. № 1512. Этот список был обнаружен А. А. Зиминим (любезно сообщившим нам о нем) и исследован А. Г. Кравченко в его еще не опубликованной работе.

³ Такое мнение высказал Л. В. Черепнин в рецензии на т. XXV ПСРЛ (Вопросы истории, 1951, № 9, стр. 143).

⁴ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись... стр. 507.

⁵ Следует отметить, что мысль о московском характере интересующего нас летописного текста, тоже (наряду с другими гипотезами) высказывалась в работах А. А. Шахматова, хотя и в очень неопределенной форме. В „Разысканиях и древнейших летописных сводах“ (СПб., 1908) Шахматов характеризовал неизданную летопись Погод. 1409, как „сокращенный московский свод 1494 г.“ (стр. 237—238), а в статье „Летописи“ в „Новом энциклопедическом словаре“ (1916) указывал, что Симеоновская летопись „с 1481 по 1494 гг. представляет извлечение из официальной московской летописи, которой был дополнен и самый Московский свод“ (цит. по: А. А. Шахматов. Обозрение... стр. 367). Но Погод. 1409 после 1479 года почти буквально совпадает и с Московским сводом и с Соф. I Царск., а Симеоновская летопись за этот период чрезвычайно к ним близка.